

**Конвенция против пыток и
других жестоких, бесчеловечных
или унижающих достоинство
видов обращения и наказания**

Distr.: General
19 December 2017
Russian
Original: English

Комитет против пыток

**Решение, принятое Комитетом в соответствии
со статьей 22 Конвенции относительно
сообщения № 672/2015* ****

<i>Сообщение представлено:</i>	Джоном Альфредом Фогелем (представлен адвокатом Тони Элисом)
<i>Предполагаемая жертва:</i>	заявитель
<i>Государство-участник:</i>	Новая Зеландия
<i>Дата представления жалобы:</i>	5 января 2015 года
<i>Дата принятия решения:</i>	14 ноября 2017 года
<i>Тема сообщения:</i>	одиночное заключение
<i>Процедурный вопрос:</i>	оговорка государства-участника к статье 14
<i>Вопросы существа:</i>	жестокое, бесчеловечное или унижающее достоинство обращение или наказание; право на справедливую и адекватную компенсацию
<i>Статьи Конвенции:</i>	14 и 16

1.1 Заявителем является Джон Альфред Фогель, гражданин Новой Зеландии, 1965 года рождения. Он утверждает, что длительное одиночное заключение, которому он был подвергнут, и лишение его права на надлежащую компенсацию за это представляют собой нарушение Новой Зеландией статей 14 и 16 Конвенции. Заявитель представлен адвокатом.

1.2 При ратификации Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания 10 декабря 1989 года государство-участник сделало оговорку к статье 14. Оговорка гласит, что правительство Новой Зеландии резервирует за собой право возмещения ущерба жертвам пыток исключительно по усмотрению Генерального прокурора Новой Зеландии.

Факты в изложении заявителя

2.1 26 февраля 1998 года заявитель был признан виновным в совершении убийства и приговорен к пожизненному лишению свободы. После отбытия десяти лет от

* Принято Комитетом на его шестьдесят второй сессии (6 ноября – 6 декабря 2017 года).

** Следующие члены Комитета участвовали в рассмотрении данного сообщения: Эссадия Бельмир, Алесслио Бруни, Фелис Гаер, Абдельвахаб Хани, Клод Эллер Руассан, Йенс Модвиг, Ана Раку, Себастьян Тузе и Кенин Чжан.

назначенного срока он был условно-досрочно освобожден 4 мая 1998 года. Однако в январе 2000 года его вернули под стражу после вынесения приговора по дополнительным обвинениям¹.

2.2 11 апреля 2000 года надзорный судья вынес постановление о помещении заявителя в одиночное заключение на 21 сутки за связанные с наркотиками дисциплинарные проступки, а именно: положительный результат теста на каннабиноиды и два отказа сдать анализ мочи. Заявитель отмечает, что такое наказание является нарушением внутреннего законодательства, поскольку, согласно статье 33 (3) g) Закона 1954 года о пенитенциарных учреждениях, максимальный срок одиночного заключения составляет 15 суток. Заявитель отмечает, что в период его пребывания в одиночном заключении он по 23 часа в сутки не выходил из своей камеры. Ему был предоставлен только один час в день для прогулок и принятия душа. У него не было доступа к радио и телевизору, но он мог читать. Ему не разрешалось звонить по телефону или принимать посетителей, и у него практически не было возможности видеть других людей, поскольку в этой части тюрьмы больше никто не содержался. Он утверждает, что в это время был особенно уязвим, так как страдал от хронической депрессии и наркомании. Он начал разговаривать сам с собой. Он считает, что его нельзя было помещать в одиночное заключение.

2.3 В октябре 2004 года заявитель подал гражданский иск в Высокий суд Новой Зеландии, заявив, что наказание в виде одиночного заключения нарушило его права согласно Закону о Билле о правах Новой Зеландии 1990 года. Он утверждал, что одиночное заключение, которому он подвергся, превысило максимальный срок, предусмотренный законом, и стало нарушением его прав в соответствии со статьей 9 (право не подвергаться пыткам и жестокому, унижающему достоинство или несоразмерно строгому обращению или наказанию) и пунктом 5 статьи 23 (права лиц, лишенных свободы, на гуманное обращение и уважение достоинства, присущего человеческой личности) Закона о Билле о правах. Он заявил, что в период одиночного заключения ему не была обеспечена надлежащая медицинская помощь, поскольку он не имел возможности обратиться к врачу. В своем постановлении от 24 февраля 2012 года суд пришел к выводу о том, что надзорный судья был не вправе назначать наказание в виде одиночного заключения сроком на 21 день, поскольку в соответствии со статьей 33 (3) g) Закона о пенитенциарных учреждениях срок одиночного заключения не может превышать 15 суток. Суд также установил, что причиной, по которой максимальный срок был превышен на шесть дней, стала просьба самого заявителя о назначении ему такого наказания на 21 день, с тем чтобы он мог справиться со своей наркозависимостью до предстоящего слушания по вопросу об условно-досрочном освобождении. Суд также признал, что администрация пенитенциарного учреждения нарушила правило 56 b) правил внутреннего распорядка пенитенциарных учреждений, в соответствии с которым администрация обязана обеспечивать оперативное уведомление медицинских работников о помещении лиц в одиночное заключение. Вместе с тем суд не усмотрел нарушения статей 9 и 23 Закона о Билле о правах, поскольку данная мера наказания была назначена по просьбе заявителя и не преследовала цели причинить ему страдания. Нет никаких доказательств того, что эта мера наказания действительно причинила заявителю боль или страдания, и ее нельзя назвать унижающей достоинство или оскорбительной. Суд пришел к выводу о том, что все заключенные в тюрьме имеют доступ к врачам по требованию и что у заявителя тоже была такая возможность, о чем свидетельствует тот факт, что в период с 19 по 20 апреля 2000 года он находился в больнице, где ему делали биопсию печени. Он отметил, что медперсонал ежедневно осматривает лиц, содержащихся в одиночном заключении.

2.4 Заявитель обжаловал это решение в Апелляционном суде Новой Зеландии. 7 ноября 2013 года суд постановил, что были нарушены права заявителя, предусмотренные пунктом 5 статьи 23 Закона о Билле о правах и пунктом 3) g) статьи 33 Закона о пенитенциарных учреждениях. Суд отметил, что в медицинской

¹ См. High Court of New Zealand, *John Alfred Vogel v. the Attorney-General*, judgment of 24 February 2012.

карте заявителя имеется запись о том, что в 2000 году он страдал хронической депрессией, в связи с чем проходил лечение антидепрессантами². Суд заявил, что обращение автора сообщения к надзорному судье с просьбой о назначении ему одиночного заключения сроком на 21 день не имеет значения, так как органы правосудия должны обеспечивать не только то, чтобы срок наказания не превышал предусмотренный законом максимум, но и его надлежащее применение. Суд пришел к выводу, что известная информация о наркозависимости и психическом состоянии заявителя, должна была навести на мысль о потенциально пагубных последствиях чрезмерного срока одиночного заключения для его психического здоровья. На этом основании суд постановил, что противозаконность наказания состояла в отсутствии гуманного обращения с заявителем и уважения его достоинства, присущего человеческой личности, в нарушение его прав, предусмотренных в статье 23 (5) Закона о Билле о правах. Вместе с тем суд не усмотрел нарушения прав заявителя в соответствии со статьей 9 Закона о Билле о правах. Суд не присудил заявителю компенсацию ущерба. Он отметил, что нарушение было совершено за 13 лет до вынесения решения, и такой промежуток времени, по его мнению, делает расчет суммы компенсации проблематичным. Вместе с тем суд отметил, что заявитель имел бы все основания для получения небольшой компенсации, если бы следовал процедуре подачи исков о возмещении ущерба, установленной в Законе о рассмотрении жалоб заключенных и жертв 2005 года. Он отметил, что заявитель не подал ходатайства о компенсации в рамках этого механизма рассмотрения жалоб, т.е. путем подачи жалобы Омбудсмену, и суд поэтому не может возместить ему ущерб в соответствии со статьей 13 Закона³. Заявитель подал ходатайство о разрешении обжаловать решение об отказе в компенсации в Верховном суде. Ходатайство было отклонено 19 февраля 2014 года.

Жалоба

3.1 Заявитель отмечает, что его помещение в одиночное заключение на 21 сутки является явным нарушением внутреннего законодательства государства-участника. Он утверждает, что эта мера наказания представляла собой продолжительное одиночное содержание⁴. Заявитель отмечает, что Апелляционный суд пришел к выводу о том, что наказание нарушило его права, предусмотренные пунктом 5 статьи 23 Закона о Билле о правах, и что ему не было обеспечено право на гуманное обращение и уважение достоинства, присущего человеческой личности. Он добавляет, что, поместив психически больного и уязвимого заключенного в одиночную камеру на период, превышающий максимальный срок, предусмотренный законом, государство-

² Согласно постановлению Апелляционного суда, в представленной заявителем медицинской карте имеется запись от 25 февраля 2000 года под заголовком «Диагноз», которая гласит: «Дистимия. Ранее диагностирован синдром дефицита внимания и гиперактивности, связанный с пережитым в прошлом насилием».

³ В пункте 1 статьи 13 Закона о рассмотрении жалоб заключенных и жертв установлено следующее:

1) Суд или трибунал в ходе судебных разбирательств, к которым применяется этот подраздел, может вынести решение о выплате компенсации, запрашиваемой в иске, только в том случае, если убедится в том, что

а) истец надлежащим образом воспользовался всеми объективно имеющимися конкретными внутренними и внешними механизмами для обжалования действий или бездействия, составляющих предмет его иска, но не получил в связи с этим действием или бездействием возмещения, которое суд или трибунал сочли бы эффективным; и

б) другое средство правовой защиты или комбинация средств правовой защиты не могут обеспечить в связи с действием или бездействием, составляющими предмет иска, возмещение, которое суд или трибунал сочли бы эффективным.

⁴ Заявитель ссылается на пункт 26 документа A/66/268, в соответствии с которым продолжительное одиночное содержание определяется как любой период одиночного заключения, превышающий 15 дней. Отмечается, что 15 дней составляют тот крайний срок, после которого «одиночное содержание» превращается в «длительное одиночное содержание», потому что в этот момент, по данным проанализированной литературы, некоторые пагубные психологические последствия изоляции могут приобрести необратимый характер.

участник нарушило его права в соответствии со статьей 16 Конвенции. Он утверждает, что одиночное заключение должно использоваться лишь в исключительных обстоятельствах, которых в его деле не было. Он заявляет, что в то время страдал депрессией и наркозависимостью и в принципе не должен был помещаться в одиночную камеру. Он утверждает, что его заключение на срок, превышающий предусмотренный законом максимум, еще больше усугубляет и без того серьезный характер нарушения, заключающегося в его помещении в одиночное заключение. Он утверждает, что во время одиночного содержания испытывал физические и психические страдания, что приравнивается к жестокому и бесчеловечному обращению.

3.2 Заявитель утверждает, что государство-участник нарушило по отношению к нему статью 14 Конвенции. Он отмечает, что, несмотря на признание Апелляционным судом того факта, что он не являлся объектом гуманного и уважительного обращения, ему не была присуждена компенсация. Он ссылается на принятое Комитетом замечание общего порядка № 3 (2012 год) об осуществлении статьи 14, в соответствии с которым статья 14 применима ко всем жертвам пыток и актов жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и наказания. Заявитель утверждает, что одна из причин, по которым Апелляционный суд не присудил ему возмещение ущерба, заключается в том, что на момент вынесения постановления со времени нарушения прошло более десяти лет. Заявитель ссылается на замечание общего порядка № 3 и утверждает, что государство-участник несет обязательство по обеспечению возмещения жертвам пыток или жестокого обращения вне зависимости от того, когда произошло нарушение.

3.3 Заявитель отмечает, что другая причина, по которой Апелляционный суд не присудил возмещение ущерба, состоит в том, что он не представил иск в соответствии с Законом о рассмотрении жалоб заключенных и жертв. Он утверждает, что этот закон сам по себе противоречит цели Конвенции, поскольку в соответствии с ним возмещение ущерба может быть присуждено только в том случае, если суд или трибунал удостоверится в том, что заключенный использовал все имеющиеся внутренние и внешние механизмы рассмотрения жалоб⁵. Он также утверждает, что этот закон несовместим с Конвенцией, так как, согласно ему, оперативные реабилитация и компенсация, а также равный доступ к правосудию невозможны, поскольку сумма компенсации рассчитывается с учетом задолженностей и возможных претензий к заключенному со стороны третьих лиц⁶. Он отмечает, что из-за этих вычетов выплата компенсации замораживается на шесть месяцев, а причитающиеся средства помещаются на специальный банковский счет до урегулирования любых потенциальных претензий к заключенному со стороны третьих лиц. Заявитель утверждает, что заключенные являются единственной группой лиц, которой возмещение ущерба предоставляется при условии вычета задолженностей или претензий третьих лиц, и что, предлагая компенсацию на условиях, предусмотренных этим законом, государство-участник не обеспечивает существенного, всеобъемлющего и индивидуального возмещения ущерба и компенсации заключенным, ставшим жертвами пыток или жестокого обращения, в нарушение статьи 14 Конвенции.

⁵ В соответствии со статьей 7 Закона о рассмотрении жалоб заключенных и жертв под внутренними и внешними механизмами обжалования понимают внутреннюю процедуру подачи и рассмотрения жалоб в соответствующем пенитенциарном учреждении; расследование по жалобе, проводимое лицом, назначенным в качестве инспектора исправительных учреждений; и только применительно к вопросу, который не было бы уместнее рассматривать в рамках юрисдикции другого органа, официального учреждения или органа или назначенного по закону сотрудника, – расследование, проводимое Омбудсменом или расследование, проводимое сотрудником Управления Омбудсмана по жалобе в соответствии с Законом об омбудсмене 1975 года.

⁶ Заявитель отмечает, что, согласно этому закону, вычеты могут быть сделаны по гражданско-правовым обязательствам, таким как обязательства по оплате юридической помощи, распоряжения о возмещении ущерба, вынесенные в отношении заключенного параллельно с приговором, и любая задолженность лицам, пострадавшим от действий заключенного.

3.4 Заявитель отмечает, что государство-участник сделало оговорку к статье 14 Конвенции. Он ссылается на замечание общего порядка № 3, в котором сказано, что оговорки, направленные на ограничение применения статьи 14, несовместимы с предметом и целью Конвенции. Он утверждает, что его жалоба по статье 14, таким образом, является приемлемой.

Замечания государства-участника в отношении приемлемости и по существу дела

4.1 13 октября 2015 года государство-участник представило замечания относительно приемлемости и существа жалобы. Государство-участник утверждает, что жалоба заявителя по статье 14 является неприемлемой, поскольку государство-участник сделало оговорку к статье 14. Государство-участник подтверждает свою позицию, что права автора в соответствии со статьями 14 и 16 Конвенции не были нарушены.

4.2 Государство-участник утверждает, что его оговорка к статье 14 Конвенции не является несовместимой с объектом и целью Конвенции и следовательно допустима. Оно утверждает, что данная оговорка не отрицает право жертв пыток на компенсацию. Она лишь предусматривает, что полномочиями принимать решения в отношении компенсационных выплат обладает Генеральный прокурор, а не суды или другие субъекты. Государство-участник утверждает, что Генеральный прокурор осуществляет свои функции независимо от правительства и что любое принятое им решение является аполитичным и не приводит к ненадлежащему отказу в предоставлении компенсации жертве пыток.

4.3 Государство-участник считает, что в обстоятельствах данного конкретного дела одиночное заключение заявителя не является нарушением статьи 16. Оно отмечает, что заявитель утверждает о нарушении его прав по статье 16, ссылаясь на решение Апелляционного суда, который признал нарушение его прав, предусмотренных пунктом 5 статьи 23 Закона о Билле о правах. Государство-участник утверждает, что пункт 5 статьи 23 этого закона не является эквивалентом статьи 16 Конвенции. Оно отмечает, что Билль о правах содержит два права, которые в своей совокупности устанавливают иерархию прав лиц, содержащихся под стражей, в отношении условий содержания под стражей. Статья 9 запрещает пытки и жестокое, унижающее достоинство и чрезмерно строгое обращение или наказание, а пункт 5 статьи 23 налагает позитивное обязательство обращаться с заключенными гуманно и с уважением присущего им достоинства. Государство-участник отмечает, что Апелляционный суд пришел к выводу об отсутствии нарушения статьи 9 Закона о Билле о правах, которая в наибольшей степени сходна с положениями статьи 16 Конвенции. Он постановил, что государство нарушило свое позитивное обязательство, предусмотренное пунктом 5 статьи 23, так как администрация пенитенциарного учреждения, учитывая уязвимое состояние заключенного, не должна была допустить его добровольное одиночное заключение в течение 21 дня. Государство также отмечает, что заявитель не пытался обжаловать постановление суда о том, что его одиночное содержание не представляет собой нарушение статьи 9 Закона о Билле о правах.

4.4 Государство-участник утверждает, что в случае заявителя ни продолжительность, ни условия содержания под стражей не являются нарушением статьи 16. Оно ссылается на правовую практику Комитета по правам человека и отмечает, что Комитет делал вывод о нарушении статей 7 и 10 (1) Международного пакта о гражданских и политических правах на основании гораздо более серьезных обстоятельств в сравнении с настоящим делом⁷. Государство-участник утверждает, что

⁷ Государство-участник ссылается на поданное в Комитет по правам человека сообщение № 88/1981, *Ларосса Бекио против Уругвая*, в котором Комитет постановил, что тот факт, что автору в период с октября 1980 года по март 1981 года было разрешено только одно свидание, что он содержался в маленькой камере без окон, с искусственным освещением 24 часа в сутки, и что он был помещен в одиночное заключение на период более одного месяца, свидетельствует о нарушении статей 7 и 10 (1) Пакта. Комитет также принял к сведению, что государство-участник не представило какой-либо из запрошенной им

одиночное заключение заявителя носило добровольный характер и осуществлялось на гуманных условиях. Оно отмечает, что исполняющий обязанности директора пенитенциарного учреждения, в котором содержался заявитель, описал в суде условия одиночного содержания, отметив, что заключенные, приговоренные к одиночному заключению, содержатся в камерах, расположенных вне блоков, где они обычно содержатся. Эти камеры по большому счету ничем не отличаются от камер в других блоках в том, что касается окон, дневного света и оснащения, в камерах имеются книги, но отсутствуют телевизор и радио. Заключенные могут слышать заключенных в соседних камерах, но не могут с ними общаться. В одиночных камерах есть вода и туалет, заключенным предоставляется обычное питание. Один час в день выделяется для прогулок на свежем воздухе и принятия душа. Заключенные имеют право отправлять и получать корреспонденцию и сохраняют все другие минимальные права, за исключением личных (не предусмотренных законом) свиданий и разговоров по телефону. Государство-участник отмечает, что заявитель не жаловался на условия содержания под стражей и утверждает, что имеются доказательства того, что во время одиночного заключения ему были обеспечены должные внимание и уход со стороны медицинского персонала и сотрудников исправительного учреждения.

4.5 Государство-участник отмечает, что Специальный докладчик по вопросу о пытках и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видах обращения и наказания отметил, что продолжительное одиночное заключение может приводить к нарушению статьи 16 Конвенции, в зависимости от обстоятельств дела. Оно также отмечает, что Специальный докладчик пришел к выводу о том, что пытаясь оценить, равнозначно ли одиночное содержание пыткам и другим жестоким, бесчеловечным или унижающим достоинство видам обращения и наказания, следует принимать во внимание все соответствующие обстоятельства на индивидуальной основе, включая цель применения одиночного содержания, условия, сроки и последствия обращения и, разумеется, субъективное состояние каждого пострадавшего, которое определяет его или ее уязвимость в отношении этих последствий⁸. Государство-участник утверждает, что в обстоятельствах данного дела 21 день одиночного заключения по просьбе заявителя не является нарушением статьи 16 и что, соответственно, не было нарушения статьи 14 Конвенции.

4.6 Что касается претензии заявителя по статье 14 Конвенции, то государство-участник отмечает, что внутренние суды признали, что жертвы нарушений Закона о Билле о правах имеют право на эффективные средства правовой защиты, которые могут включать в себя компенсацию⁹. Любая компенсация заключенным регулируется положениями Закона о рассмотрении жалоб заключенных и жертв. Государство-участник отмечает, что в случае заявителя Апелляционный суд пришел к выводу, что он имел бы право на возмещение ущерба, если бы выполнил требования пункта 1 статьи 13 Закона. Хотя суд отметил, что расчет суммы компенсации был бы проблематичным, не это стало причиной отказа в возмещении ущерба. Государство-участник утверждает, что Закон не лишает заключенного, ставшего жертвой пыток, обладающего исковой силой права на компенсацию; он лишь устанавливает предварительные условия для присуждения компенсации. Государство также утверждает, что заявитель имел бы право на получение компенсации, если бы изначально использовал другие механизмы рассмотрения жалоб, в том числе по линии Управления омбудсмана. Государство-участник ссылается на решение

информации, включая судебные решения и медицинские сведения, касающиеся заключенного, а также отсутствие подтверждения того, что заключенному была предоставлена возможность связаться с Комитетом. Государство-участник также ссылается на поданное в Комитет по правам человека сообщение № 109/1981, *Гомес де Войтурет против Уругвая* и *Полай Кампос против Перу* (CCPR/C/61/D/577/1994), в котором Комитет пришел к выводу о том, что одиночное заключение на срок шесть и девять месяцев представляет собой нарушение статьи 10, но не статьи 7 Пакта. Государство-участник, тем не менее, отмечает, что в последнем случае Комитет пришел к выводу о том, что одиночное заключение сроком на один год без связи с внешним миром представляет собой нарушение статьи 7.

⁸ Государство-участник ссылается на документ A/66/268.

⁹ Государство-участник ссылается на решение Апелляционного суда Новой Зеландии, *Simpson v. the Attorney-General (Baigent's Case)*, judgment of 29 July 1994.

Апелляционного суда и отмечает, что суд установил, что автор ходатайствовал о встрече с Омбудсменом 9 июля 2000 года, но позже отозвал это ходатайство. Кроме того, государство-участник отмечает, что заявитель не обращался в суды до октября 2004 года и что Высокий суд рассмотрел это дело только в 2012 году. Государство-участник утверждает, что заявитель имел широкие возможности для того, чтобы подать жалобу администрации пенитенциарного учреждения или Омбудсмену до обращения в суд и в период между представлением и рассмотрением его жалобы Высоким судом.

4.7 Государство-участник отмечает утверждение заявителя о том, что право на получение возмещения ограничено, поскольку в соответствии с Законом о рассмотрении жалоб заключенных и жертв из суммы компенсации погашаются определенные долги заключенного. Государство-участник заявляет, что это требование не является ограничением права на получение компенсации, поскольку долговые обязательства заключенного не связаны с его правом на получение компенсации. Государство-участник отмечает, что Законом о рассмотрении жалоб заключенных и жертв создана эффективная процедура для обеспечения того, чтобы заключенный мог погасить свою задолженность. Оно также отмечает, что, по мнению заявителя, этот Закон не обеспечивает существенного, комплексного и индивидуального возмещения вреда. Государство-участник утверждает, что заключенный, имеющий законные претензии, вправе получить по решению суда существенное, комплексное и индивидуальное возмещение, но должен выполнить предварительные условия представления жалобы с помощью соответствующих механизмов.

Комментарии заявителя к замечаниям государства-участника

5.1 В своих комментариях по поводу замечаний государства-участника, представленных 21 января 2016 года, заявитель вновь повторяет свой довод о том, что оговорка государства-участника к статье 14 несовместима с объектом и целью Конвенции и что поэтому Комитет должен признать жалобу по статье 14 приемлемой. Заявитель также повторяет свое мнение, что 21 день, проведенный им в одиночном заключении, представляет собой нарушение его прав в соответствии со статьей 16. Он утверждает, что не стал обжаловать постановление Апелляционного суда о том, что одиночное заключение не составило нарушение статьи 9 Закона о Билле о правах, в Верховном суде, как отметило государство-участник, посчитав это бесполезным, так как в ряде предыдущих случаев одиночное заключение на срок более 21 дня не признавалось нарушением положений статьи 9 Закона о Билле о правах.

5.2 Заявитель далее отмечает довод государства-участника о том, что Апелляционный суд не присудил ему возмещение ущерба на том основании, что он не подал иск в соответствии с Законом о рассмотрении жалоб заключенных и жертв. Он утверждает, что этот закон сам по себе является препятствием для эффективной компенсации, поскольку инспектор исправительных учреждений и Омбудсмен не могут на законных основаниях присуждать компенсацию, а обязательство сначала воспользоваться этим конкретным механизмом рассмотрения жалоб представляет собой дискриминационный барьер на пути получения возмещения. Он утверждает, что обращение в эти механизмы подачи и рассмотрения жалоб имеет смысл в случае, когда речь идет о незначительных, а не о серьезных претензиях. Он отмечает, что подразделения, отвечающие за механизмы рассмотрения жалоб, недостаточно укомплектованы¹⁰. Заявитель вновь отмечает, что любая компенсация, назначенная в соответствии с этим законом, выплачивается при условии вычетов и шестимесячной «заморозки». Он утверждает, что этот процесс ущемляет права заключенных и приводит к задержке в получении присужденной компенсации. Он отмечает, что лица, не являющиеся заключенными, не обязаны при подаче исков о нарушении их прав,

¹⁰ Заявитель ссылается на документ CAT/OP/NZL/1, в котором Подкомитет по предупреждению пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания отметил, что большинство компонентов национального превентивного механизма не получили дополнительных ресурсов для выполнения их функций в соответствии с Факультативным протоколом к Конвенции против пыток, и эта проблема в сочетании с общей нехваткой персонала серьезно ограничивает их способность выполнять возложенные на них задачи.

закрепленных в Билле о правах, в суды государства-участника сначала обращаться с жалобой к Омбудсмену, а выплата причитающейся им компенсации не замораживается на шесть месяцев.

5.3 Заявитель повторяет свое утверждение о том, что содержание в одиночной камере в течение более 15 дней является бесчеловечным и унижающим достоинство обращением, и отмечает, что правило 43 Минимальных стандартных правил Организации Объединенных Наций в отношении обращения с заключенными (Правила Нельсона Манделы) запрещает применение длительного одиночного заключения. Он также отмечает, что, согласно правилу 44, длительное одиночное заключение означает заключение в течение срока, превышающего 15 дней подряд. Заявитель просит Комитет включить в свою правовую практику положение о том, что содержание в одиночной камере в течение срока, превышающего 15 дней подряд, является нарушением статьи 16. По словам заявителя, его пребывание в одиночном заключении причинило вред его психическому здоровью¹¹.

5.4 Заявитель просит Комитет признать, что его права, предусмотренные статьями 14 и 16 Конвенции, были нарушены, и предложить государству-участнику выплатить ему надлежащую компенсацию и отменить Закон о рассмотрении жалоб заключенных и жертв. Он просит Комитет сделать вывод о том, что оговорка государства-участника к статье 14 Конвенции несовместима с положениями Конвенции.

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

Соображения относительно приемлемости

6.1 Прежде чем приступить к рассмотрению жалобы, представленной в сообщении, Комитет должен установить, является ли она приемлемой в соответствии со статьей 22 Конвенции. В соответствии с требованием пункта 5 а) статьи 22 Конвенции Комитет убедился в том, что этот же вопрос не рассматривался и не рассматривается по какой-либо другой процедуре международного расследования или урегулирования.

6.2 Комитет напоминает, что в соответствии с пунктом 5 b) статьи 22 Конвенции он не рассматривает никаких сообщений от какого-либо лица, если не убедится в том, что данное лицо исчерпало все имеющиеся внутренние меры правовой защиты. Комитет отмечает, что в данном деле государство-участник не оспаривает того, что заявитель исчерпал все доступные внутренние средства правовой защиты. Поэтому Комитет делает вывод о том, что ничто не препятствует ему в рассмотрении данного сообщения на основании пункта 5 b) статьи 22 Конвенции.

6.3 Комитет принимает к сведению утверждение государства-участника о том, что жалоба заявителя по статье 14 Конвенции должна быть признана неприемлемой с учетом оговорки государства-участника к статье 14. Комитет также принимает к сведению утверждение заявителя о том, что оговорка государства-участника по статье 14 несовместима с объектом и целью Конвенции¹². Вместе с тем оговорка, сделанная Новой Зеландией к статье 14, уточняет, что органом, ответственным за присуждение компенсации жертвам пыток, о которых говорится в статье 14 Конвенции, является Генеральный прокурор. Таким образом, эта оговорка не распространяется на предмет рассматриваемой жалобы, и ничто не препятствует Комитету в рассмотрении жалобы заявителя по статье 14 Конвенции.

¹¹ Заявитель ссылается на свои письменные показания, данные под присягой в национальных судах, в которых он заявил, что, когда он вышел из одиночного заключения, у него были седые усы и волосы в носу и что, когда его встречали друзья, которые не видели его, когда он находился в одиночном заключении, они спрашивали, что случилось, поскольку было очевидно, что он очень изменился. В своих письменных показаниях он также заявил, что обстановка в одиночном заключении не была психически здоровой, и его состояние заметно ухудшилось после выхода.

¹² См. CAT/C/NZL/CO/6, пункт 20; и CAT/C/NZL/CO/5, пункт 14.

6.4 Поскольку Комитет не видит никаких других препятствий для объявления сообщения приемлемым, он объявляет это сообщение, представленное в соответствии со статьями 14 и 16 Конвенции, приемлемым и приступает к его рассмотрению по существу.

Рассмотрение по существу

7.1 В соответствии с пунктом 4 статьи 22 Конвенции Комитет рассмотрел настоящее сообщение в свете всей информации, представленной ему соответствующими сторонами.

7.2 В данном случае первый вопрос, стоящий перед Комитетом, заключается в том, является ли одиночное заключение заявителя в течение 21 дня жестоким, бесчеловечным или унижающим достоинство обращением или наказанием, и, таким образом, представляет собой нарушение статьи 16 Конвенции. Комитет считает, что одиночное заключение может быть равнозначным нарушению статьи 16 в зависимости от обстоятельств конкретного дела и с учетом особых условий одиночного заключения, степени жесткости данной меры, ее продолжительности, поставленной цели и ее воздействия на соответствующее лицо¹³. Комитет напоминает свою рекомендацию о том, что одиночное заключение и изоляцию следует использовать в качестве крайней меры на как можно более короткий срок под строгим контролем и с возможностью судебного пересмотра¹⁴. В настоящем деле Комитет отмечает, что заявитель был помещен в одиночную камеру на 21 день, т.е. на срок бесспорно превышающий установленный законом максимум в государстве-участнике. Комитет также принимает к сведению аргумент заявителя о том, что он проводил в своей камере по 23 часа в сутки в период его одиночного заключения и ему предоставляли один час в день для прогулки на свежем воздухе и принятия душа. У него не было возможности слушать радио или смотреть телевизор, но он мог читать. Ему не разрешалось звонить по телефону или принимать посетителей. Комитет далее принимает к сведению утверждение заявителя о том, что в то время он находился в особо уязвимом положении, так как страдал хронической депрессией и наркозависимостью, а также о том, что заключение причинило ему психические страдания. Комитет признает замечание государства-участника о том, что заявитель был помещен в одиночное заключение по его собственной просьбе, что условия содержания были гуманные, что заявитель не высказал никаких жалоб в отношении условий содержания под стражей в то время, что он находился под надзором медицинского персонала и сотрудников пенитенциарного учреждения в период одиночного заключения, что он имел право на переписку и возможность читать книги и что он содержался в камере, схожей по условиям с точки зрения наличия окон, естественного освещения и оснащения, с камерой, в которой он содержался до этого.

7.3 Комитет отмечает, что аргумент государства-участника о том, что одиночное заключение было назначено по просьбе самого заявителя был признан не имеющим значения Апелляционным судом, который постановил, что надзорный судья обязан обеспечить, чтобы срок назначенного наказания не превышал предусмотренный законом максимальный период и чтобы это наказание было применено надлежащим образом. Суд пришел к выводу, что информация о наркозависимости и психическом состоянии заявителя должна была навести на мысль о потенциально пагубных последствиях чрезмерного срока одиночного заключения для его психического здоровья. Комитет далее принимает к сведению утверждение заявителя о том, что эта мера наказания пагубно сказалась как на его психическом, так и физическом состоянии. Комитет считает, что, учитывая хроническую депрессию и наркозависимость заявителя, о которых было известно властям, одиночное заключение, которому он был подвергнут, и его продолжительность были несоразмерны поставленной цели. В связи с этим Комитет приходит к выводу о том, что одиночное заключение заявителя, представляет собой нарушение его прав в соответствии со статьей 16 Конвенции.

¹³ См. *А.А. против Дании* (CAT/C/49/D/412/2010), пункт 7.4.

¹⁴ См., например, CAT/C/NZL/CO/6.

7.4 Комитет отмечает, что заявитель также утверждал, что тот факт, что суды государства-участника отказались присудить ему компенсацию, представляет собой нарушение его прав в соответствии со статьей 14. Комитет ссылается на свое замечание общего порядка № 3 и отмечает, что статья 14 применима ко всем жертвам пыток и жестокого обращения. Комитет напоминает о том, что статья 14 Конвенции не только признает право на справедливую и адекватную компенсацию, но и возлагает на государства-участники обязанность обеспечить предоставление жертве пыток возмещения. Комитет считает, что возмещение должно охватывать всю совокупность причиненного жертве ущерба и включать, среди прочих мер, реституцию, компенсацию и реабилитацию жертвы, а также меры, способные гарантировать невозможность повторения нарушений, с обязательным учетом обстоятельств каждого дела¹⁵. Комитет отмечает, что в данном случае заявитель подал гражданский иск в суды государства, утверждая, что его права в соответствии с Законом о Билле о правах Новой Зеландии были нарушены и требуя возмещения вреда, причиненного ему этим нарушением. Апелляционный суд пришел к выводу о том, что у заявителя были веские аргументы для получения небольшой компенсации, но не смог присудить возмещение ущерба в соответствии с Законом о рассмотрении жалоб заключенных и жертв, поскольку заявитель не следовал изложенной в законе процедуре представления жалоб, в соответствии с которой необходимо подать жалобу в Управление омбудсмена. Заявитель утверждает, что данное требование представляет собой дискриминационное препятствие для получения компенсации; вместе с тем, учитывая его отказ от встречи с Омбудсменом, Комитет считает, что в обстоятельствах данного дела, требование о том, чтобы заявитель исчерпал возможности для подачи жалоб, предусмотренные Законом о рассмотрении жалоб заключенных и жертв, не представляло собой отказ в праве на возмещение и не составило нарушение его прав по Конвенции. На этом основании Комитет делает вывод об отсутствии нарушения прав заявителя, предусмотренных статьей 14 Конвенции.

8. Комитет против пыток, действуя на основании пункта 7 статьи 22 Конвенции, считает, что переданные ему факты указывают на нарушение статьи 16 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания.

9. В соответствии с пунктом 5 статьи 118 своих правил процедуры Комитет настоятельно призывает государство-участник обеспечить выплату заявителю справедливой и адекватной компенсации, включая средства для как можно более полной реабилитации, и проинформировать Комитет о принятых на основании этих выводов мерах в течение 90 дней с даты препровождения настоящего решения.

¹⁵ См. *Саадья Али против Туниса* (CAT/C/41/D/291/2006), пункт 15.8.